

Дмитрий Осокинъ

Дракоши

12+

Дмитрий Осокинъ

Дракоши

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Осокинъ Д.

Дракоши / Д. Осокинъ — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Рождественская история – абсолютно фантастическая, но основанная на реальных альтернативных событиях и знаменитой картине Яна Антонышева. Её могут прочитать как те, кто не интересуется моим творчеством, ибо история проста, понятна и самодостаточна, так и те, кто интересуется грядущими тайными неприкрытыми ужасами. В тексте наличествуют герои знаменитых романов, эзотерика и сугубый реализм.

Содержание

В оформлении обложки использованы картинки с:	5
Пролог, 2019 год	6
Дракоши	8
2019 год	9
Иринкина квартира	10
Конец ознакомительного фрагмента.	16

В оформлении обложки использованы картинки с:

Веточка <http://forumsmile.ru/pic37180.html>

Драконы <https://9gag.com/gag/a3KwKer/baby-dragons>

Рот <https://www.freepng.ru/png-510ibb/>

В тексте использована иллюстрация – картина Яна Антонышева из личной коллекции автора повести (копия разрешения художника послан модераторам).

Пролог, 2019 год

Старший лейтенант тринадцатого отдела департамента НТС СБП при ФСО России, Андрей Глинозёмов покосился на дисплей. До конца рабочего дня следовало себя чем-то занять. А на приложении таймера светилось 17-12 двадцать седьмого декабря 2019 года.

Пожалуй, сорока восьми минут до конца вахты, ему за глаза хватит, чтоб рассмотреть вопрос с еще одним файлом из корзины. Андрей мазнул оттопыренным манерно мизинцем по интерактивному экрану, ухмыльнулся: из корзины вывалилась какая-то старина, по которой, тем не менее, его Тринадцатый Отдел Психофизической защиты и противодействия уже предпринимал ряд проверок.

Правда, – давно. Последний раз, одиннадцатого ноября 2017 года, проверка завершилась ничем. Значит, скорее всего, пустышка, ложный сигнал и он сможет завершить это дело. Проглянув сопроводительные файлы, старлей Глинозёмов нахмурился. Он был ответственным работником, и уважал не только своего начальника и службу, но и свой личный труд. Ведь он был не просто старлеем, а важным сотрудником научно-технической службы по Петербургу Службы Безопасности Президента при Федеральной Службе Охраны. Три раза "служака", вот как!

Ответственный пост «спамщика», как на жаргоне отдела называлась его должность, не каждому недавнему выпускнику Орловской Академии доверяют!

Именно на нем лежала ответственность предлагать начальнику отдела Психофизической защиты на полное уничтожение файлы, задержавшиеся в корзине. При этом начальник особенно не вникал. Вот она, ответственность! Пусть жена, которая в курсе всех масштабов и важности его службы только частично (секретность!), подтрунивает, называя его «мусорщиком» за его «копания в корзинах»! Хотя и впрямь там, обычно, содержался лишь никому не интересный и унылый бред про ведьм, дьявола, Черных Властелинов и прочие эзотерические сущности от религиозных старушек с ПГМ, мужиков с ФГМ и юных ТП с ЧСЗ.

Да, Андрею по молодости нравились эти странные старинные сокращения, что в этом плохого? Если учитывать название места работы?

Проблема с очередным наугад вытасненным файлом состояла в том, что более ранние проверки – ого, даже и следственные действия имели место быть! – проводившиеся по оказавшемуся в корзине материалу, какой-то результат дали. А это грозило превратить ложный сигнал в «висяк». «Висяки» или «глухари» в спам не отправлялись. Правда, последнее расследование было инициировано вообще в седой древности, в конец 2002 года, а завершено...

«Ого, год копали! И всё равно отправили материал в корзину? Странно.»

Инструкции гласили, что прежде чем ознакомиться с ходом следственных мероприятий перед вынесением приговора «корзинным файлам», – в случае, если они давали результат, как, увы, обстояли дела с этим материалом, – надлежит составить общее мнение об источнике. Однако молодой старлей не удержался, глянул на результаты.

«Я же не с ходом следственных мероприятий знакомлюсь, а с итогом, чтоб определить степень серьезности!» – оправдывался Андрей перед собой. Он лукавил: именно беспристрастность и всегда повышенное внимание к материалу и составляли основу его должности.

Но оба не завершившихся – при возможностях НТС СБП ФСО вся РФ! – расследования касались особо тяжких случаев: исчезновение дьякона Знаменской церкви на Тверской вместе с сожительницей в конце февраля 2002 года, а ранее – такое же странное, как посчитали сначала, бегство целой семьи с детьми-тинейджерами из церковного дома при той же Церкви Иконы Божьей Матери Знамение.

Тяжело вздохнув, старлей решил начать погружение в материал. Он-то надеялся скоротать время, а теперь и остающихся до «звонка» сорока семи.. уже сорока шести минут могло не хватить.

После первых строк брови Андрея удивленно приподнялись: материал представлял из себя сканы с бумажной еще какой-то древней «желтой» газеты. Повинуясь его пальцам, на экран вылезла справка, заставившая удивиться его ещё больше: оказывается, «Пятница», еженедельник знаменитой Светланы Судаковой не считалась такой уж и желтой, напротив, питерские интеллектуалы ценили издание.

Страдальчески покривившись при слове «питерские интеллектуалы» – именно из-за новых поколений этой не слишком и жирной прослойки общества, малолетние борцы в интернете считали, что Тринадцатый отдел НТС по Питеру находится или в Ольгино или на Савушкина, что было вовсе не верно, но обидно из-за прилипших не по делу кличек «ольгинские фсошные тролли», старший лейтенант и главный спамщик 13-ого отдела НТС СБП при ФСО РФ, Андрей Глиноземов принялся читать...

Дракоши

Я, Дмитрий Осокин, коренной ленинградец во втором или третьем поколении, странно чувствую себя в Санкт-Петербурге. Так, наверное, чувствовали себя в Риме остготы Теодориха, переименовавшие, как известно, арену Колизея в "Площадь Восстания Варвара-Энтузиаста". И именно в Санкт-Петербурге со мной наяву произошла первая фантастическая история моей жизни. Но началась она, как и все необычайное, вполне банально.

Шел одиннадцатый год после Олимпийских игр в Москве – сказочное и далекое теперь время. Я работал тогда на Морфизприборе, в тех цехах, что на Шпалерной, и поэтому Санкт-Петербург окружал меня пять дней в неделю. Рядом жили и многие друзья...

Они-то и поджидали меня у проходной в один из теплых осенних дней. Благостная физиономия Батюшки светилась добротолубием, а рядом с ним стояли мои бывшие одногруппники по политеху – Княже и Кубик.

– Как учеба, магистры? – поинтересовался я после первых приветствий.

– Пьем, да знаем меру Лебега! – ответил за всех великолепный Княже в кожаной курточке.

– Никак ты пьян, да умен? – спросил я, принохиваясь.

– А ты как думал? – захохотал он.

Я обрадовался. Княже был тогда единственным автовладельцем среди моих друзей, но отнюдь не всегда родители разрешали ему садиться за руль. На этот случай существовала аксиома "Когда Княже трезв, то машину у него отбирает мама в наказание, за то, что он ездил пьяным. Ну, а когда Княже пьян – у него есть все!"

Мое обоняние сразу же подсказало, что сегодня мне уже не придется давиться в автобусах с потными женщинами. И как только мы вышли на улицу, я сразу же увидел наш боевой "Москвич" 412-й модели. В салоне оказались гитара и объемная спортивная сумка с вином. Мотор заурчал, машина рванулась по Шпалерной к Смольному, и через мгновение мы уже выворачивали на Суворовский.

– Куда хоть мчимся?

– Пока в подвальчик, здесь недалеко.. Поедим – решим куда поедим, – ответил Кубик, откупоривая бутылку, – жара!

У каждого поколения бывает своя боевая молодость. Одних она, коварная, бросает на кронштадтский лед, других приводит в энкаведэшные застенки, а третьими просто затыкает вражеские амбразуры. Наша боевая молодость подняла нас на борьбу с алкоголем согласно решений Партии и меченого главаря, и мы тогда боролись с ним, затыкая ртами горлышки полных бутылок, истребляя таким способом образ врага.

"Если не ты, то кто выпьет это губительное зелье?" Этот вопрос воодушевлял нас пострадать за человечество.

"Москвич" тормознул у полуподпольного кабачка на Суворовском, и мы часика полтора посидели там за коктейлями типа "коньячный пунш", по ходу дела познакомившись с какими-то двумя десятиклассницами аж из специальной французской школы. Моя память не сохранила имен этих очаровательных лицеисток, но расплачиваться нам тогда пришлось за шестерых. Вышло где-то около семидесяти рубликов, но это еще не та фантастика, которую я обещал. Прихватив с собой несколько пачек рублевого Мальборо", наша компания вновь оказалась на улице.

2019 год

Старлей Глинозёмов отвлекся от чтения бульварной – всё же бульварной! – прессы, пошевелил другим пальчиком. Так он и знал: автор врёт. Цены в рассказе были указаны точно, но никак не на «одиннадцатый год после Московских Олимпийских Игр» (вот зачем такая вычурность, нельзя было просто написать, "1991"?). Такие цены были.. хм, как он и предполагал, в период с 1980 по 1988 год. Не могли подобные расценки выжить при Гласности и Демократии.

Автор еще и склеротик? Или он, Глиноземов, удачно избежал коварной ловушки текста, прямо как герой «Маятника Фуко»?

Так что там они дальше-то пили.. То есть, что дальше делали?

Иринкина квартира

- Ну, а теперь куда? – обнял я одну из девчонок.
- Есть мысль! – поднял палец Кубик. – Батюшка, как поживает ваша жена? Это было сказано специально для второй девчонки.
- Так ты женат?! – вскрикнула она, вырываясь из Батюшкиных лап.
- Только по паспорту и только до 14 декабря, – уверил он ее.
- А что, отличная идея! Поехали все к Иринке! – поддержал я. – Девчонки, мы вас познакомим с бывшей Батюшкиной женой. Мы ее так любим! И зовем "мать Ирина", во-первых, потому, что все-таки – жена Батюшки, а, как учит этикет, «к попадье же или игуменье надлежит обращаться мать такая-то». А, во-вторых, она всегда нас приютит и накормит!
- Угу, – хмыкнул Кубик, – и еще "материна", потому, что..
- Княже бросился к телефонной будке, но быстро вернулся.
- Пусто! Нет ее дома.
- Тогда, может, в Шанхай какой-нибудь?
- Это в пустые дома, на капремонте которые? Нет уж! – возмутились великосветские десятиклассницы.
- Батюшка, а не осталась ли у тебя, по чистой случайности, ключей от твоей бывшей квартиры? – вкрадчиво спросил я.
- Батюшка, выгнанный за особо активную рогозаготовительную деятельность из дома своей благоверной еще летом, только сумрачно сплюнул в знак отрицания.
- Слушайте, раз уж другого варианта не намечается, поехали, дверь ломанем,.. Иринка нас поймет! – выдал Кубик.
- Гениально! – закричали мы хором, ловя на себе восторженные взгляды десятиклассниц. – Поехали!
- Шестером на такой машине? – усомнилась та, что была потемнее.
- Эта тачка три дня назад семерых до Зеленогорска довезла! – похвастался Княже. В крайнем случае, заплатим штраф за перегруз. Кстати, а сколько у нас наличными?
- Насчитали около двадцати рублей.
- Шесть бутылок "Бендерской водки" мы осилим, – подвел итог отличавшийся математическими способностями Кубик.
- Но в тот раз с "Бендерской" нам не свезло, и Княже приобрел в новом универсаме на Тульской улице четыре бутылки "Гуцульской", благоразумно оставив деньги для уплаты штрафов. Гаишники такие жадные, могли больше трех рублей потребовать! Он мог бы этого и не делать – ехать было недалеко, уже минут через пять мы выворачивали на Тверскую.
- Вот и фантастика. Строго научная. Наивный, я думал тогда, что на этом фантастическая часть мероприятия и закончится!
- Сейчас вы увидите фантастический дом, – повернувшись, проинформировал я десятиклассниц, – его будут скоро сносить, так что вам повезло!
- Дом, в котором жила тогда Иринка, и впрямь был замечателен: маленький старинный особнячок стоял за приземистой православной церковью, превращенной феей коммунизма в заводик по изготовлению автоарматуры. Вероятно, до пролетарской революции в нем жили питанные батюшки, читавшие в узких, немного похожих на кельи комнатах фолианты на греческом, латыни и церковнославянском и даже глухонемецком.
- В домике этом было всего шесть квартир – по две на каждом этаже. Пять из них уже пустовали – что поделаешь, расселение. Только Батюшка с Иринкой собирались терпеть до последнего, решительно отвергая все смотровые.

Дом был примечателен и еще по одной причине: его по просьбе Иринкиной соседки снизу, добродушной пожилой женщины, как-то зарисовал один молодой совсем художник. Звали его Ян Антонышев, и впоследствии он приобрел известность как лидер группы "Старый Город" – объединения вольных живописцев, истинных портретистов Санкт-Петербурга. Иринкина соседка снизу была, по всей очевидности, просто чудесным человеком, так как ни один из наших сабантуев не смог выудить ни единого стога из ее груди (проверено: она не была глухой!), и поэтому мы как-то с большого похмелья помогли ее семейству при переезде, – замечательный еще у них был щенок чау-чау! Тогда-то я и увидел эту картинку. Мелок? Цветной карандаш? – я не разглядел, но душу маленького приговоренного особнячка художник почувствовал очень верно. Кто знает, может быть, именно это трехэтажное здание и натолкнуло Яна Антонышева на мысль о создании "Старого Города"?

Ян Антонышев «Старый город, Тверская 8»

Стемнело. Мы въехали в узкий проезд между шестиэтажной и церковно-заводской стеной и мимо помойки да по зеленому дворику подкатили к стоявшему в одиночестве дому № 8. – Мрачновато, не правда ли? – спросил я девчонок.

Было уже около восьми часов, и октябрьский вечер густел и переходил в следующее фазовое состояние с понижением температуры. Листья над нашими головами звонко осыпали поще-

чинами игривый ветерок, а он, прохладаясь, все пытался дорвать пестрые по осенней моде платья деревьев.

Ни одно окно в маленьком особнячке не горело.

– А где же все люди? – почему-то шепотом спросила одна из наших дам.

– Так все уже, кроме моей супруги, переехали, – галантно, распахнул дверцу машины Батюшка.

– И не страшно ей?

– А чего бояться? Алкашей, что ли?! – я засмеялся, отхлебнув из початок бутылки сухенького.

Свет на лестнице не горел принципиально, и мы поднимались, мерцая быстроживущими спичками. Десятиклассницы о чем-то зашушукались.

– Романтика! – хохотнув, попытался приободрить их Княже.

Наконец, мы остановились у старинной двустворчатой двери.

– Квартира №12, – прокомментировал я, – откольнейший адрес: "8-12", столько бутылка хорошего коньяка стоит. Кубик, ломаем!

Мы с Батюшкой навалились на одну из створок, а Кубик, минуты три поковырявшись перочинным ножичком, на удивление профессионально испортил замок. Дверь приоткрылась.

– Тебе не в политех, тебе в воровскую академию надо было! – засмеялись все.

И в этот момент дверь, как бы сама собой, вновь захлопнулась.

Хохот моментально стих. Мы переглянулись, а когда Княже зажег очередную спичку, стали видны бледные рожицы десятиклассниц.

– Мистика, – сказал Батюшка и потянул за ручку. Дверь лишь слегка дернулась, словно кто-то держал ее изнутри.

– Благодатью твоей спаси нас, Господи всещедрый! – и Батюшка, осенив себя почему-то католическим крестным знаменем, что есть сил потянул дверь.

Святой истинный крест и тупая сила всегда помогают: дверь распахнулась, и на нас вылетело нечто темное, опасное!

Мне щеку расцарапало, кто-то лишился части волос, остальные отделались акустическим шоком.

Я как раз зажег очередную спичку, и мать Ирина предстала глазам собравшихся на лестничной площадке в полной красе, если, не обращать внимания на набедренную повязку, едва прикрывавшую срам.

– Иринка! Какими судьбами?! – обрадовались мы с Кубиком. – Разве ты дома?!

– А ну, вон все отсюда! – прорычала взбешенная красавица, свирепо толкаясь. В квартире за ее спиной было тоже темно.

– Батюшка, Княже, успокоить! – четко скомандовал Кубик и, подмигнув мне, подхватил одну из десятиклассниц. – Пойдемте, девчонки, выкурим по штучке, сейчас все будет в норме...

Я тоже спустился на этаж ниже.

Действительно, уже минут через пять голос Иринки зазвучал гораздо менее грозно:

– Эй вы там, подымайтесь...

В квартире уже горел свет. Правда, только в большой комнате, где Батюшка и Княже несколько удивленно созерцали сидевшего в кресле у окна парня. Мы с Кубиком опять весело переглянулись, и мне показалось, что надо с ходу определять отношения:

– Дима! – я дружески протянул ладонь.

– Саалинс, – неразборчиво ответил парень на мое рукопожатие.

Княже и Батюшка последовали моему примеру. Правда, потом они, под неблагоприятным предлогом вызвав меня в коридор, поинтересовались:

– Ты не расслышал, как его зовут?

Я отрицательно мотнул головой.

– Еду-то готовить или как? – уже полностью одетая Иринка дружески ткнула кулачком в живот своего бывшего супруга.

В холодильнике нашлись соки, бутылки были открыты, и пиршество закружилось. Через час мы называли прибалта просто Юхан, а он только умиротворенно икал в ответ. Долгая дорога и интенсивная любовь подкосили беднягу, и после первых тостов его белобрысая голова начала испытывать собственную шею на растяжимость. Впоследствии Юхан принимал участие в общей беседе наравне со своим креслом. Правда, шокированные десятиклассницы довольно быстро лишили нас своего общества, но, по-моему, никто этого так и не заметил, потому что Кубик расчехлил гитару и затянул нашу геройскую самодеятельную:

*"Дедушка Махно, внучки твои
в каменных лесах
на лихих "Жигулях" —
их не поберег ни черт, ни ГАИ,
темной ночью нет нужды в тормозах!"*

К полуночи я обнаружил, что сломавшийся Юхан привез нашей хозяйке неплохой презент – в морозильнике леденела бутылка голубой "Смирновской". Расчувствовавшись, мы перенесли дарителя из неудобного кресла на низенькую кушетку в одной из комнат.

– Мать Ирина – в приливе благодарности Княже достал из кармана какую-то ветхую книжицу – И от нас тебе подарок, раз ты уж бывшая Батюшкина жена..

– Что это?

– Учебник хорошего тона, начало века. Слушай и не обижайся, цитирую "К игуменье же следует обращаться "мать такая то"..."

Часы засмеялись одновременно со всеми, вызванивая половину второго. А в начале третьего «мать Ирина» вытащила меня в коридор с явным умыслом заставить мои губы прижаться к ее очаровательному роту.

Мы стояли лицом к лицу в темноте. Две пары рук безбоязненно притянули одну к другой наши головы. В большой комнате раздалось несколько нестройных аккордов – до музыкального агрегата дорвался Княже, и вновь грохнуло хоровое пение. Обе пары рук, убедившись в том, что головам не грозит случайная расстыковка, стали ласково изучать непривычные на ощупь тела. И тут к брэнчанию гитары за дверью, чудеснейшим образом накладывавшемуся на break-ритмы наших сердец, прибавился еще один звук "Шлеп-шлеп-шлеп-шлеп" – словно маленький ребенок пробежал быстро в темноте коридора.

– Крысы, что ли? – отстраняясь, бесстрашно спросила мать Ирина и чиркнула спичкой.

Вспышка на какое-то мгновение ослепила наши хищные глаза и, пока они жмурились, снова зашлепало. Мне стала даже как-то нехорошо от такого сюрреализма. Но когда спичка в Иринкиной руке разгорелась ровным огоньком, я не заметил вокруг ничего подозрительного.

– Видишь что-нибудь? – мать Ирина направилась к прихожей, где находился выключатель. Я сделал шаг следом.

– Попрятались.

Точеная Иринкина фигурка заслонила от меня огонек умирающей спички, и в этот момент под ногу мне подвернулось что-то вроде резинового мячика. Я с грохотом рухнул на какую-то недвижимость.

– Ох, мать!

– Это ты меня, что ли? Эй-эй, ты жив?

– Включай свет быстрее, Иринка! Я тут тебе раздавил что-то.

– Крысу что ли? Так это не беда, они, знаешь, как плодятся! – Мать Ирина шелкнула выключателем – Ой, алкоголики проклятые, дверь забыли закрыть, вот живность и набежала.

Взломанная дверь, наверное, действительно осталась незапертой, но я и не подумал пойти помочь возившейся с ней Иринке. Медленно поднимаясь из искалеченного мной псевдоантикварного кресла, я глаз не сводил с... я, не отрываясь, смотрел на... Черт знает, что это было такое!

В самом уголке коридора явно присутствовало нечто серовато-красное. Как только вспыхнул свет, я сразу заметил его. С виду оно напоминало какую-нибудь безобиднейшую детскую игрушку времен расцвета соцреализма – вроде тряпичного грязно-малинового зайца под названием "**Бегемотик Зрубля**" (который «3 рубля», три рубля).

На трех серовато-красных опорах держался чуть приплюснутый кругляш корпуса, от которого кверху торчали какие-то три палочки с шариками на концах, а по бокам приляпаны маленькие бутафорские крылышки, как у летучей мыши. Вся эта мерзость и впрямь вызвала бы у меня ассоциацию с полками "Детского мира", если бы тварь не метнулась вдруг под массивного платяного шкафа, извивая при этом свои оказавшиеся весьма гибкими верхние конечности "шлеп-шлеп-шлеп."

– Иринка, смотри!

– Ну и что это шлепает? Ты видел? – мать Ирина повернулась от входной двери.

– Слушай, а глюки могут шлепать? – спросил я, не сводя глаз со шкафа

– Могут. Акустические глюки называются.

– Вон мой акустический глюк под шкаф заныкался. Позови-ка народ, а то скажете потом "Диме больше не наливать!" Я пока его посторожу тут.

– Как он выглядел-то? – спросила мать Ирина вполне серьезно – На крыску хоть похож?

– Похож, красноватенький такой крысенок, на трех лапках.

– Совсем, как мое кресло теперь! – не преминула вставить она, направляясь к большой комнате.

– Не совсем у него еще и три шеи, и крылышки!

– Ну-у.. – разочарованно протянула Иринка, – тогда это и не крысенок вовсе, а обыкновенный дракончик.

– Эй, мужики! – Она распахнула дверь в смех и гитарное брэнчание – Идите все сюда Димка до крысиных дракончиков уже допиллся сидит, глюк под шкафом караулит!

– Больше ему не наливаем! – приговорил Княже.

– Нет, серьезно, идите сюда. Я сама слышала, как его глюк шлепал!

– Шлёпал кого? И по какому месту? – покачнулись от хохота вышедшие в коридор пьяные мерзавцы.

Трезвый как алмаз под стеклом, я решил поторопить события и допустил тактическую ошибку.

– Не верите, магистры! – стоя на одном колене у шкафа с заныкавшимся туда «акустическим глюком», я потянулся за шваброй, поудобней перехватив, ткнул, ручкой вперед в зловещную стивен кинговскую пустоту пространства между мебелью и полом. Как и положено по Стивену Кингу, пустота оказалась наполнена ужасом. Несусветным. Точней, несозвучным.

Дикое писклявое верещание на границе ультразвуковой области вдарило по ушам. Мой глюк выскочил на желтый свет.

Желтый, потому что Ирина включила в коридоре подпотолочный светильник с парой шестидесятиваттных ламп.

Я выронил швабру.

Элегантный и в полупьяном виде Кубик женственно взвизгнул и облокотился на Княже.

Вдумчивый Княже решил, что в этом хаосе не хватает мудрых старших товарищей и громко, в голос позвал свою маму.

Гнусная мелкая нечисть, вереща, проскочила мимо этих оболтусов в огромную, метров двадцать пять квадратных, кухню. Тёмную и страшную..

Из гостиной вышел Батюшка, посмотрел на сцену «шок, деморализация и капитуляция», отхлебнул из горла напоминающей воду жидкости, посетовал:

– Не знаю, что у вас тут случилось, но, Княже, если сюда и впрямь придёт твоя мама, мало тебе не будет, а нам завтра что ж, на метро разъезжаться?

Эгоистичный голос мелочной правды жизни оказался тем, чего не хватало.

– Хм, – первым опомнился Княже, – да, насчёт мамы это я перегнул палку. Не место ей здесь.

– Ну и кинь её кому-нибудь, гнутую эту палку! – деловито посоветовала МатьИрина, – а сам быстро взял у Димули швабру и общее руководство! А то упустили живность!

– Это неправильная живность, – прекратил отвратительно повизгивать Кубик, чтоб не икать, выпил жидкости напоминающей цветом воду из Батюшкиной бутылки «Смирновской», – это научно-техническая живность. Гляньте, нечто типа соляры на вид!

Он указал на свои многосезонные варёные джинсы: на уровне колена, где его коснулся мой глюк, было пятно. Я бы сказал, как от машинного масла.

Собственно я об этом и сказал.

– Это меняет дело, нет такой техники, которую не смогли бы раздолбать большевики! – обрадовался Батюшка, которого ввели в курс дела о «глюках Димона», – или продать демократы... а то нагнали мистики, антихристы!

Подумав, мы решили, что моя тактическая ошибка в порядке вещей. Это только всякие нерусские люди начинают войны Перл-Харбором а заканчивают Хер-Вам-Сима-в-Ногу-Ссаки. Русские (и примкнувший к ним Княже) начинают с Брестской крепости! А заканчивают, минимум, Берлином. Если бы с нами был Хиба – дошли бы до Нью-Йорка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.